

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК 1 (091)

DOI: 10.17223/1998863X/40/15

М.Н. Вольф, А.В. Косарев

КОНЦЕПЦИЯ ПРАГМАТИСТСКОГО ПОВОРОТА Р. БЕРНСТАЙНА

Значимое место в позднем творчестве Р. Бернштейна занимает концепция «прагматистского поворота», связанная с коммуникативной рациональностью. Анализируется происхождение этого термина, показывается, что формально происхождение этого словосочетания можно проследить от одной частной дискуссии между Р. Рорти и Ю. Хабермасом по поводу понимания философии Канта, однако актуализировать этот концепт удалось именно Бернштейну.

Ключевые слова: прагматизм, неопрагматизм, Р. Бернштейн, Р. Рорти, Ю. Хабермас, прагматистский поворот, коммуникативная рациональность.

Ричарда Джейкоба Бернштейна нередко характеризуют как ключевую фигуру неопрагматизма, как наиболее влиятельного популяризатора этого направления, который, наряду с Рорти и Патнэмом, был ответствен за возрождение американского прагматизма. Творчество Р. Бернштейна, связанное непосредственно с вопросами прагматизма, можно условно разделить на три периода.

Первый период, 60-е гг., посвящен изучению прагматизма, в основном наследий Дж. Дьюи и отчасти Ч.С. Пирса. Второй период, 70–80-е гг., характеризуется общим критическим содержанием написанных в эти годы работ и пониманием места и роли прагматизма среди других, по преимуществу европейских, философских направлений. Третий период, с 90-х гг., характеризуется обращением Бернштейна к более современным прагматистским дискуссиям. Написанные в 2000-е гг. статьи, посвященные тематике прагматизма и неопрагматизма, в переработанном виде вошли в сборник «Прагматистский поворот» [1], который стал своеобразным итогом этого периода. Бернштейн стремится развенчать миф о том, что аналитическая философия является единственной доминантой в американском интеллектуальном пространстве, и показывает, что она не только не уничтожила прагматизм, но скорее способствовала его возрождению в новом облике и трансформации, и что он по-прежнему является одним из наиболее живых философских направлений.

Концепция «прагматистского поворота», вынесенная Бернштейном в заголовок, широко фигурирует в научной литературе с начала 90-х гг. Бернштейн не является автором этой концепции. Вероятно, – во всяком случае, нам не удалось установить другой схемы происхождения данного термина – одно из первых употреблений этого выражения, совершенно проходное и, по-видимому, случайное, принадлежит Р. Рорти и появляется в книге «Филосо-

фия и зеркало природы» [2], однако именно оно, как нам кажется, заложило основания для возникновения понятия.

Контекст, в котором появляется это выражение, следующий. Рорти рассуждает о том, что история современной философии была бы совершенно другой, если бы Кант решился на прагматический поворот. А именно, в истории западной философии рационализм всегда противостоял эмпиризму. Кант определил рационализм как направление, стремящееся свести ощущения к концепциям. Сам Кант, настаивая на невозможности непосредственной доступности познанию внешних объектов, «говорил о внутренних репрезентациях, нежели о предложениях» [2. С. 109]. Тогда как, по мнению Рорти, рационализм следовало бы определить как то, что работает не с объектами, а с суждениями о них, и ищет достоверные суждения о вторичных качествах, т.е. тех, которые в телах представлены иначе, чем в умах [2. С. 108–109]. «К добру ли к худу ли, но Кант не предпринял этого прагматического поворота», – таковы слова Рорти, подытоживающие его видение кантовской позиции [2. С. 110].

Ю. Хабермас, обсуждая указанную концепцию в статье «Прагматический поворот Ричарда Рорти» [3. Р. 31–55], проясняет смысл сказанного Рорти следующим образом. В «Зеркале природы» Рорти обрушивается с уничтожающей критикой на менталистскую эпистемологию, согласно которой некоторые ментальные состояния эпистемического субъекта (представления, желания и др.) являются предельным обоснованием для его веры в эти ментальные состояния. Или, как поясняет Хабермас, обладание самосознанием и субъективностью подразумевает, что познающий субъект получает привилегированный доступ к определенным переживаниям, данным ему непосредственно, но при этом таким, которые имеют дело не с самими объектами, а с представлениями о них [3. Р. 34]. Классическая эпистемология, начиная с Декарта, говорит о разделении на область внутреннего и внешнего, порождающего дуализм разума (души) и тела, что и ведет к появлению различных менталистских или репрезенталистских направлений. У человека нет непосредственного доступа к самим объектам внешнего мира, вместо этого он имеет дело только с идеями об объектах или интерпретациями объектов, т.е. с копией мира в своих внутренних представлениях, поскольку между миром ума и физическим миром существует непреодолимая пропасть.

Хабермас приводит три парадигмальных допущения, характеризующих классическую эпистемологию:

- мы знаем собственные ментальные состояния лучше, чем что-либо;
- познание имеет место только в режиме представления объектов;
- истинность суждений опирается на доказательства, которые подтверждают их достоверность [3. Р. 34–35].

Критикуя эти положения, Рорти обнаруживает три мифа, заключенные в них: миф о данности, миф о мышлении как представлении и миф об истине как достоверности. Дальнейшая критика ментализма у Рорти выливается в такое видение радикализации лингвистического поворота, которое оформляется в форме прагматистского поворота. По мнению Хабермаса, Рорти не устраивает, что лингвистический поворот претендует на смещение отношения «субъект – объект», которое устанавливается классической эпистемоло-

гией, на якобы принципиально иное отношение «предложение – факт», тогда как в действительности такое смещение ничего не изменило в способе нашего познания мира. Лингвистический поворот, не используя все возможности, открытые философией языка, продолжает транслировать старые отношения под новым именем и выполнять функцию зеркала природы. Предложенная Рорти радикализация лингвистического поворота как прагматистского должна заменить двухместные субъект-объектные отношения на трехместные так, как это предлагал сделать Ч.С. Пирс: «Символическое выражение, которое согласуется с действительным положением дел для интерпретирующего сообщества. Объективный мир не является больше чем-то отражаемым, но является просто общей точкой отсчета для процесса коммуникации (*Verständigung*) между членами коммуницирующего сообщества, которые приходят к пониманию друг друга в отношении к чему-либо» [3. Р. 35]. Таким образом, знание в рамках прагматистского поворота не является внутренним представлением объекта и не совпадает с взаимно однозначным соответствием эмпирических фактов и предложений, высказывающихся о них. Оно устанавливается в интерсубъективной системе интерпретирующего сообщества, а факты являются частью процесса коммуникации. Подводя итог, Хабермас пишет: «Прагматистский поворот должен был заменить репрезенталистскую модель знания коммуникативной моделью, которая устанавливает успешное межсубъектное взаимопонимание (*Verständigung*) вместо химерической объективности опыта. Однако именно это интерсубъективное измерение, в свою очередь, замкнуто в объективизирующем описании процессов кооперации и коммуникации, которое может быть воспринято как таковое только с точки зрения их участников» [3. Р. 52].

Р. Рорти, отвечая Хабермасу, замечает, что после знакомства с ней стал лучше понимать ход своего мышления, и в результате начал думать о лингвистическом повороте как о части более широкого движения от предметно-ориентированной рациональности к коммуникативной [4. Р. 56]. При этом Рорти соглашается, что мотивы для одобрения этого движения у Хабермаса совпадают с теми, исходя из которых он сам принял то, что Хабермас называет прагматистским поворотом. Иначе говоря, Рорти подчеркивает, что он не использовал это словосочетание терминологически, но согласен, что Хабермас верно распознал его интенции и не протестует против такого использования слов. Мотивы же Хабермаса, как и свои основания говорить о переходе к коммуникативной рациональности, Рорти приводит следующие:

- желание возвысить общность над объективностью;
- сомнение в том, что «желание истины» отлично от желания обоснования;
- «существование в контакте с реальностью» следует понимать как «существование с человеческим сообществом», причем таким образом, что реалистские интуиции ментализма с характерным для него пониманием познания как зеркала природы и субъект-объектным репрезентализмом полностью исчезнут [4. Р. 56].

Разумеется, у Рорти и Хабермаса имеются серьезные расхождения как в понимании коммуникативной рациональности, так и в видении ее конечных целей, что и обсуждается подробно в обеих статьях, но для нас пока существ-

венны не столько те позиции, по которым эти философы расходятся, сколько понимание того, в чем они согласны относительно «прагматистского поворота». При этом Рорти в итоге склоняется к термину «риторический поворот» [5. С. 14–16], тогда как его последователи и критики охотно используют термин Хабермаса, но именно в значении, близком к «радикализации лингвистического поворота». В частности, так понимает прагматический поворот Е.В. Борисов, когда рассматривает его в качестве одной из общих характеристик для аналитической и герменевтической философии, дающих основания говорить об их типологическом единстве [6. С. 20–22].

В целом, можно наметить две стратегии понимания прагматистского поворота:

1) значимость коммуникативных практик, подразумевающая интерпретирующее сообщество или конкретную концептуальную схему как посредника между агентами классической эпистемологии – предложениями о мире и действительным положением дел (факты, или объекты);

2) общие принципы рассуждения, одинаково свойственные главным философским течениям XX в. – континентальной и аналитической философии.

В третий период своего творчества Р. Бернстайн обсуждает эти генеральные стратегии и решает задачи, которые в связи с ними возникают:

1) демонстрация значимости классических прагматистов для философии и устранение противостояния аналитической и континентальной традиций посредством их прагматистских интерпретаций, которая соответствует второй стратегии;

2) защита прагматизма от смешения с другими «измами».

Ниже мы подробнее остановимся на рассмотрении первой стратегии.

Бернстайн рассматривает влияние классических прагматистов на философию, которое, по его мнению, выражается в стирании противоречий между аналитической и континентальной философией. Обе традиции обсуждают некоторые общие друг для друга, но при этом специфически прагматистские темы, что позволяет представить их не просто как сопоставимые и не противоречащие традиции, а как направления в прагматизме. Среди этих тем Бернстайн называет критику картезианства (Ч.С. Пирс), плюрализм, но такой, который следует отличать от релятивизма (У. Джеймс), вопросы радикальной демократии, образования и социальных реформ (Дж. Дьюи), а также субъект-объектное различие, истинность и внимание к человеческой культуре (характерные для неопрагматистов, в частности Дж. Марголиса; причем эти темы Бернстайн возводит к Гегелю)¹.

Неизбежно может возникнуть вопрос, как представители континентальной и аналитической философии, например Витгенштейн или Хайдеггер, не будучи вовлечены в сами прагматистские дискуссии и в принципе не испытывая интереса к прагматистской философии, могут быть причислены в ряды прагматистов? Бернстайн отвечает: разумеется, когда ставится вопрос о «прагматизме» тех или иных аналитических или континентальных философов, речь не идет о том, что те или иные положения в их философии – это результат прямого влияния на них прагматизма: «Философы, исходя из са-

¹ Все эти темы последовательно рассматриваются в первых четырех главах книги, просматриваются в оглавлении и перечислены во введении к книге: [1. Р. IX–XI].

мых разных ориентаций и не подвергаясь прямому влиянию классических прагматистов, высказывали идеи и разрабатывали тезисы, которые не только соответствовали прагматистской ориентации, но и *уточняли* ее философский смысл» [1. Р. 14–15].

Иными словами, подход Бернштейна в данном случае сугубо апроприационистский¹. Он не пытается выстроить такую картину развития событий в философии XX в., которая соответствовала бы привычным критериям историко-философского знания, сохраняя хронологию и исторический контекст, рассматривая отдельные философские доктрины в контексте их принадлежности конкретной философской школе. Согласно классической историко-философской парадигме, если Хайдеггер не принадлежал к прагматистскому направлению, невозможно анализировать его как прагматиста. Апроприационисты, в свою очередь, фактически расширяют контекст принадлежности к школе до контекста современных философских или даже социальных проблем, в противном случае, по их мнению, оказывается невозможным отличить вечные философские проблемы от частных сиюминутных задач. В случае Бернштейна сведение разных представителей различных школ к прагматизму носит характер разъясняющего, но не догматизирующего объяснения для тех процессов, которые идут в философии XX в., а для этого действительно нужно отыскать точки соприкосновения между, казалось бы, принципиально несопоставимыми позициями.

Неоднократно обращаясь к прагматистским темам и уточняя саму эту концепцию, Бернштейн в конце концов формулирует подробный, а скорее, исчерпывающий их список [8]. В нем те принципы, которые можно назвать неопрагматистской программой², в целом совпадают с общими интенциями и характерными особенностями риторического поворота [5. С. 20–22].

Р. Бернштейн выделяет пять уточненных тем прагматистского движения. Рассмотрим их подробнее:

1. Анти-фундаментализм.

Эта тема, по мнению Бернштейна, может быть выражена принципом У. Селларса: «Эмпирическое знание, как и его более сложная версия, наука, рационально не потому, что имеет основания, а потому, что является самокорректирующимся предприятием, которое может поставить под удар любые утверждения, хотя и не все сразу» [8]. Видно, что данная тема отвергает претензии объективизма на существование некоторых универсальных, неизменных, предельных оснований, на которых основывается все наше знание. Эта тема фактически расширяет тему критики картезианства, сформулированную в «Прагматистском повороте», и не только науку, но и прагматизм объявляет «само-корректирующимся» предприятием, не нуждающимся в основаниях, что в целом созвучно и пониманию неопрагматизма Дж. Марголисом [10].

¹ Подробнее об этом подходе в истории философии см.: [7. С. 228–229].

² Среди них: а) не редуктивный и не элиминативный натурализм; б) отказ от дуализма и когнитивных привилегий любого рода; в) признание эволюционной преемственности между животными и человеком; г) отказ от принципиальной разницы между теоретическим и практическим разумом; д) внутренне присущая самой философии неформальность; е) неотделимость факта и ценности; ж) отрицание телеологизма и фиксированных или конечных ценностей; з) историчность любых наших концептуальных различий; и) поток опыта, эмпирический мир как поток; к) неизбежность консенсуальных форм рациональности, т.е. коммуникативной рациональности; л) базовая вера в человеческую свободу, связанную только с его собственным пониманием рационального благоразумия [9. Р. 8, 10. С. 5].

Как пишет Бернштейн, «прагматизм начинается с радикальной критики картезианства. Одним движением Пирс стремится уничтожить взаимосвязанные мотивы, которые составляют суть картезианства: онтологический дуализм сознания и тела; субъективный индивидуализм, присутствующий в обращении к непосредственной личной верификации; метод всеобщего сомнения, который должен привести нас к непогрешимым истинам; убеждение в том, что если мы не обнаружим прочные основания для знания, мы не сможем избежать эпистемологического скептицизма; вера в то, что знание о мире состоит из идей, которые его правильно представляют и соответствуют ему; доктрина о том, что неопределенность “нереальна” и что эпистемологическое стремление заключается в том, чтобы ясно и отчетливо знать вполне определенную реальность; и самое главное, мы можем вырваться из языка или систем знаков и обладать непосредственным знанием нелингвистических объектов» [1. Р. 19]. В каком-то смысле, все перечисленные положения, с которыми борется Пирс, являются прагматистским изложением доктрины объективизма и фундаментализма, и на любую из них почти у каждого прагматиста после Пирса в том или ином виде мы найдем возражения.

2. Плюрализм.

Обозначенная тема фактически совпадает с заявленной ранее, и там Бернштейн оговаривал, что плюрализм должен пониматься как отличный от релятивизма. Иными словами, если релятивизм настаивает на несоизмеримости концептуальных каркасов, отсутствии универсальных критериев для познания и принципиальном разделении на «нашу» и «их» рациональность, то прагматизм настаивает на наличии некой, условно универсальной, формы рациональности – коммуникативной. А это влечет принятие любой множественности традиций, взглядов, философских ориентаций, и фактически совпадает с философской толерантностью.

Бернштейн пишет: «Мы также должны серьезно относиться к нашей [прагматистской] приверженности плюрализму – даже плюрализму в том, что принято из прагматистского наследия. Такой плюрализм не следует смешивать с тем, что я когда-то называл “вялым” плюрализмом, который ложно полагает, что одно повествование или нарратив так же хорош, как и другой. Это то, что я отрицаю. Плюрализм, который я считаю характерным для живого прагматизма, – это такой плюрализм, в котором мы продолжаем развивающийся процесс, будучи узниками, заключенными в аргументе, споре» [11. Р. 66].

3. Сообщество исследователей.

Указанная тема подразумевает, что публичная критика является существенным элементом для тестирования и оценки наших утверждений, претендующих на истину, которые должны быть оправданы критическим исследовательским сообществом.

4. Фаллибилизм.

В рамках обозначенной темы прагматисты отказываются от эпистемического скептицизма в пользу фаллибилизма, согласно которому любое обоснованное утверждение может быть оспорено и изменено, в том числе под давлением публичной критики.

5. Радикальная контингентность.

Речь идет о том, что случайность и вероятность, хотя и понимаются в качестве знаков человеческого незнания, однако являются составными частями универсума, а значит, и нашего опыта. В таком случае, следуя Рорти, нужно признать, что истина является пустым понятием, которым исследователи характеризуют работающие гипотезы и идеи, помогающие конструировать реальность и эффективно взаимодействовать с другими людьми¹.

Однако, согласно характеристике Дж. Марголиса, высшей иронией эволюционного прагматизма Пирса, который включает в себя три этапа (в терминах Пирса – это *агапизм*, *синехизм* и *фаллибилизм*²), является то, что признание радикальной контингентности исследования (*тихизм* в терминах Пирса) в бесконечно долгосрочной перспективе ведет к конечным инвариантным «привычкам» реальности, на которых строится объективизм [14. Р. 35].

Обозначенная в первом списке тема социальных реформ, образования и т.п. в новом списке Бернштейном не рассматривается. Тема истинности и отношения субъект/объект, понятые через призму человеческой культуры, из раннего списка фактически вбирает в себя три темы нового списка: сообщество исследователей, фаллибилизм и радикальную контингентность. Базовыми элементами для них всех является релятивистский и, разумеется, прагматистский, поднятый еще Пирсом, мотив отсутствия пропасти между субъектом и объектом, или сознанием и миром, и посредство *tertia*, «третьих» или «третичностей», явлений, процессов, объектов, которые позволяют заполнить пропасть или служат посредниками между ментальным и физическим³. В неопрагматизме понятие *tertia* включено в концепцию о когнитивной непрозрачности мира и выступает посредником, облегчающим или даже обеспечивающим исключительную возможность познания. К обсуждению вопроса о третьих часто обращался Р. Рорти в контексте его дискуссий с Д. Дэвидсоном и Х. Патнэмом.

Дэвидсон полагает, что прагматизм вполне может обойтись без таких эпистемических посредников, как представления, чувственные данные, интуиции, и считает *третьи* неприемлемым для философии конструктом, поскольку, вторгаясь между миром как набором объективных фактов и сознанием, они возвращают философию к таким старым метафизическим проблемам, как существование универсалий и пр. [16. Р. 83]. Признание такого рода эпистемических мостов заставляет нас думать, что и язык может служить таким же посредником между сознанием и миром. Однако, полагает Дэвидсон, если оратор говорит что-то о мире с позиций отрицания реализма, то это еще не значит, что он высказывает истину. Такая концепция отрицает все преимущества коммуникативной рациональности, а также неориторические и несофистические установки на то, что реальность оформляется в ситуации коммуникации. В целом Рорти согласен с позицией устранения третьих, но интерпретирует ее совершенно в невыгодном и неожиданном, с точки зрения Дэвидсона, свете: в результате отказа от третьих остается только бесконечный и ничем не опосредованный процесс коммуникации, обмена убеждения-

¹ Точка зрения Рорти излагается по: [12. С. 113].

² Данные понятия философского вокабуляра метафизики «эволюционной любви» подробно рассматриваются в: [13. С. 54–59].

³ О том, как понимает «третичности» Пирс, см.: [15. С. 82].

ми, которые формируются в ответ на некие текущие, сиюминутные условия. Именно дискуссия с Дэвидсоном во многом спровоцировала антифундаментализм Рорти. Однако эту позицию не разделяет Дж. Марголис, который подчеркивает эпистемическое значение *tertium*, или, как он их называет, «интерпретирующих третьих», расширяя их значение и включая в их список культуру, технологию, науку, т.е. все то, что позволяет человеку уверенно ориентироваться в мире в условиях отсутствия прямого привилегированного доступа к знанию о мире и к самому миру [17].

Возвращаясь к прагматистским темам, отчетливо видно, что все три вышеперечисленные темы так или иначе фиксируют нечто, что выступает эпистемическими посредниками между человеком и миром в условиях коммуникативной рациональности.

Из вышесказанного видно, что прагматистские темы, во-первых, совпадают с характерными для релятивизма чертами, во-вторых, пересекаются с характеристиками риторического поворота, среди которых антиобъективизм и отказ от следования картезианским принципам научного метода, неприятие фундаментализма, опора на ресурсы языка, связанные с его неопределенностью и неоднозначностью, акцент на субъективизм (и тем самым, фаллибилизм) в научном поиске, приоритет методов гуманитарных наук, преимущество которых в диалогости и коммуникативности [5. С. 20–22]. Таким образом, концепция прагматистского поворота дает определенные основания говорить о взаимообусловленности прагматизма, риторического поворота и релятивистской методологии.

Таким образом, Бернштейн не видит смысла в выделении в философии аналитической и континентальной традиций, а также обсуждении прагматизма как чего-то отдельного от этих двух традиций, поскольку все три направления имеют дело с общими для них всех темами, которые сам философ характеризует как прагматистские. Критически оценивая европейскую философию, Бернштейн стремится обнаружить те стороны в ней, которые сближают ее с прагматизмом, стремясь обозначить общие для любой философии «прагматистские темы», за которыми просвечивает признание коммуникативной рациональности. Бернштейн убежден, что все множество философских дебатов и споров, когда-либо существовавших в истории философии, по сути имеет одну цель – «определить природу и сферу человеческой рациональности» [18. Р. 2]. Современные дискуссии вывели представление о рациональности на другой уровень – коммуникативный. Рациональность понимается как истинный, живой «разговор», в котором всегда есть непредсказуемость и новизна, расширенный и открытый диалог, создающий основу межсубъектных соглашений [18. Р. 2]. Для Бернштейна такой разговор может осуществляться не только между индивидами, школами, но и между «несоизмеримыми» прежде философскими направлениями, а инструментом для этого могут служить прагматистские основания и техники. Именно прагматизм должен выступить в качестве такого, диалогового инструментария, поскольку вся эта традиция существует и эволюционирует как «диалог», «спор» или «аргумент» [11. Р. 66], а любой ее представитель – плюралист, разделяющий позиции толерантности, а значит, доброжелательно оценивающий любые интеллектуальные достижения и идейные установки.

Литература

1. *Bernstein R.* The Pragmatic Turn. Cambridge: Polity Press, 2010.
2. *Рорти Р.* Философия и зеркало природы. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1997.
3. *Habermas J.* Richard Rorty's Pragmatic Turn // Rorty and his critics / ed. by R.B. Brandom. Oxford: Blackwell Publishing, 2000. P. 31–55.
4. *Rorty R.* Response to Jürgen Habermas // Rorty and his critics / ed. by R.B. Brandom. Oxford: Blackwell Publishing, 2000. P. 56–64.
5. *Косарев А.В.* Риторический поворот: концепция риторического исследования в науке // Философия науки. 2016. № 4 (71). С. 13–25.
6. *Борисов Е.В.* Прагматический поворот в постметафизической онтологии: автореф. дис. ... д-ра философ. наук. Томск, 2010.
7. *Вольф М.Н., Косарев А.В.* Нео-софистическая риторика в свете историко-философской методологии // Вестник ТГУ. Серия: Философия. Социология. Политология. 2016. № 4 (36). С. 225–233.
8. *Bernstein R.* The Pragmatic Roots of Cultural Pluralism // Reset DOC, web magazine. – 23 July, 2014 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.resetdoc.org/story/00000022436> (дата обращения: 29.08.2017).
9. *Margolis J.* Introduction: Pragmatism, Retrospective, and Prospective / J. Margolis // A Companion to Pragmatism / ed. by J. R. Shook, J. Margolis. Maiden, Oxford, Victoria: Blackwell Publishing, 2006. P. 1–10.
10. *Косарев А.В., Вольф М.Н.* Неопрагматизм Джозефа Марголиса // Идеи и идеалы. 2017. №2 (32), Т. 2. С.3–16.
11. *Bernstein R.* American pragmatism: The conflict of narratives // Rorty and Pragmatism. The Philosopher Responds to His Critics / ed. H.J. Saatkamp, Jr. Nashville. London: Vanderbilt University Press, 1995. P. 54–67.
12. *Джохадзе И.Д.* Прагматизм: новое вино в старых мехах? // Западная философия конца XX – начала XXI в. Идеи. Проблемы. Тенденции / отв. ред. И.И. Блауберг. М.: ИФРАН, 2012. С. 103–118.
13. *Юлина Н.С.* Философская мысль в США. XX век. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2010.
14. *Margolis J.* Vicissitudes of transcendental reason // Habermas and Pragmatism / ed. by M. Aboulafia, M. Bookman, C. Kemp. London ; New York: Routledge, 2002. P. 31–46.
15. *Марголис Дж.* Первые прагматисты // Американская философия. Введение / под. ред. А.Т. Марсубьяна и Дж. Райдера; пер. с англ. М.: Идея-Пресс, 2008. С. 68–92.
16. *Frankenberry N.K.* Bernstein and Rorty on Justification by Faith Alone // The Pragmatic Century. Conversation with Richard J. Bernstein / ed. by Sh.G. Danavey, W.G. Frisina. Albany: State University of New York Press, 2006. P. 73–98.
17. *Honenberger Ph.* The Poverty of Neo-Pragmatism: Rorty, Putnam, and Margolis on Realism and Relativism // Pragmatism, Metaphysics and Culture. Reflections on the Philosophy of Joseph Margolis / ed. by D.-M. Grube and R. Sinclair. Helsinki: Nordic Pragmatism Network, 2015. P. 76–99.
18. *Bernstein R.* Beyond Objectivism and Relativism: Science, Hermeneutics, and Praxis / R. Bernstein. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1983.

Marina N. Volf. Institute of Philosophy and Law of Siberian Branch of Russian Academy of Science (Novosibirsk, Russian Federation)

E-mail: wolfarch@yandex.ru

DOI: 10.17223/1998863X/40/15

Andrey V. Kosarev. Institute of Philosophy and Law of Siberian Branch of Russian Academy of Science (Novosibirsk, Russian Federation)

E-mail: andrkw@rambler.ru

DOI: 10.17223/1998863X/40/15

R.BERNSTEIN'S CONCEPT OF THE PRAGMATIC TURN

Key words: pragmatism, neopragmatism, R. Bernstein, R. Rorty, J. Habermas, pragmatic turn, communicative rationality

Significant place in R. Bernstein's late works has the concept of «pragmatic turn», linked with communicative rationality. In the article we analyze the origin of this term showing that the origin of

this notion can be traced formally from one private discussion between R. Rorty and J. Habermas, which concerned of understanding some points of Kantian philosophy, but Bernstein was able to actualize this concept. Rorty and Habermas themselves have serious discrepancies in their understanding of communicative rationality and its ultimate goals, but they both agree on an understanding of the concept of «pragmatic turn». Rorty eventually tends to the term «rhetorical turn», while his followers and critics use the Habermas' term «pragmatic turn» in the meaning of «radicalization of the linguistic turn». Bernstein's reduction of various directions to pragmatism is realized in the appropriationist methodology: he extends the context of one' belonging to the philosophical tradition to the context of contemporary philosophical or even social problems, otherwise it couldn't be distinguish eternal philosophical problems from particular immediate issues, and his conclusions are of an clarification, but not of dogmatic explanation for those processes that occur in the philosophy of the XXth century. Throughout his work, Bernstein several times clarifies the pragmatic themes, and finally offers the following list: (1) anti-foundationalism; (2) community of inquirers; (3) fallibilism; (4) radical contingency; (5) pluralism. The listed topics firstly coincide with the characteristics of relativism, and secondly, they intersect with the characteristics of the rhetorical turn, which gives good reasons for talking about the interdependence of rhetorical turn, pragmatism and relativistic methodology. Three themes from the new list – the community of inquirers, fallibilism and radical contingency – are contained, as a basic element, the relativistic and pragmatic motif (raised by Peirce) of the absence a chasm between the subject and the object, or mind and world due to *tertia* or «thirdness». So we give a brief excursion into the pragmatic problem of *tertia* and the discussions around it. Bernstein seeks to discover those sides in continental and analytic philosophies that bring them closer to pragmatism by establishing a common list of «pragmatic themes» common to any philosophy, behind which the recognition of communicative rationality shines. According to Bernstein, pragmatism should act as an interactive tool, because the whole of this tradition exists as a «dialogue» or «argument».

References

1. Bernstein, R. (2010) *The Pragmatic Turn*. Cambridge: Polity Press.
2. Rorty, R. (1997) *Filosofiya i zerkalo prirody* [Philosophy and the mirror of nature]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
3. Habermas, J. (2000) Richard Rorty's Pragmatic Turn. In: Brandom, R.B. (2000) *Rorty and his critics*. Oxford: Blackwell Publishing. pp. 31–55.
4. Rorty, R. (2000) Response to Jürgen Habermas. In: Brandom, R.B. (2000) *Rorty and his critics*. Oxford: Blackwell Publishing. pp. 56–64.
5. Kosarev, A.V. (2016) Ritoricheskiy povorot: kontseptsiya ritoricheskogo issledovaniya v nauke [Rhetorical turn: The concept of rhetorical research in science]. *Filosofiya nauki*. 4(71). pp. 13–25.
6. Borisov, E.V. (2010) *Pragmaticheskiy povorot v postmetafizicheskoy ontologii* [Pragmatic turn in post-metaphysical ontology]. Abstract of Philosophy Dr. Diss. Tomsk.
7. Volf, M.N. & Kosarev, A.V. (2016) Neo-sophistic rhetoric in view of the methodology of the history of philosophy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 4(36). pp. 225–233. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/36/23
8. Bernstein, R. (2014) *The Pragmatic Roots of Cultural Pluralism*. [Online] Available from: <http://www.resetdoc.org/story/00000022436>. (Accessed: 29th August 2017).
9. Margolis, J. (2006) Introduction: Pragmatism, Retrospective, and Prospective. In: Shook, J.R. & Margolis, J. (eds) *A Companion to Pragmatism*. Maiden, Oxford, Victoria: Blackwell Publishing. pp. 1–10.
10. Kosarev, A.V. & Volf, M.N. (2017) Joseph Margolis's neopragmatism. *Idey i ideally – Ideas and Ideals*. 2(32). pp. 3–16. (In Russian). DOI:10.17212/2075-0862-2017-2.2-3-16
11. Bernstein, R. (1995) American pragmatism: The conflict of narratives. In: Saatkamp, H.J. & Nashville, Jr. (eds) *Rorty and Pragmatism. The Philosopher Responds to His Critics*. London: Vanderbilt University Press. pp. 54–67.
12. Dzhokhadze, I.D. (2012) Pragmatizm: novoe vino v starykh mekhakh? [Pragmatism: a new wine in old skin?]. In: Blauberg, I.I. (ed.) *Zapadnaya filosofiya kontsa XX – nachala XXI v. Idei. Problemy. Tendentsii* [Western philosophy of the end of the 20th – early 21st centuries. Ideas. Problems. Trends]. Moscow: Institute of Philosophy, RAS. pp. 103–118.
13. Yulina, N.S. (2010) *Filosofskaya mysl' v SShA. XX vek* [Philosophical thought in the USA. The twentieth century]. Moscow: Kanon+ ROOI Reabilitatsiya.

14. Margolis, J. (2002) Vicissitudes of transcendental reason. In: Aboulafia, M., Bookman, M. & Kemp, C. (eds) *Habermas and Pragmatism*. London; New York: Routledge. pp. 31–46.
15. Margolis, J. (2008) Pervye pragmatisty [The first pragmatists]. In: Marsubyan, A.T. & Rider, J. (eds) *Amerikanskaya filosofiya. Vvedenie* [American Philosophy. Introduction]. Translated from English. Moscow: Ideya-Press. pp. 68–92.
16. Frankenberry, N.K. (2006) Bernstein and Rorty on Justification by Faith Alone. In: Danavey, Sh.G. & Frisina, W.G. (eds) *The Pragmatic Century. Conversation with Richard J. Bernstein*. Albany: State University of New York Press. pp. 73–98.
17. Honenberger, Ph. (2015) The Poverty of Neo-Pragmatism: Rorty, Putnam, and Margolis on Realism and Relativism. In: Grube, D.-M. & Sinclair, R. (eds) *Pragmatism, Metaphysics and Culture. Reflections on the Philosophy of Joseph Margolis*. Helsinki: Nordic Pragmatism Network. pp. 76–99.
18. Bernstein, R. (1983) *Beyond Objectivism and Relativism: Science, Hermeneutics, and Praxis*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.